
Къ исторіи перваго магистерскаго диспута въ Московской Духовной Академіи.

Тема для диссертациі Н. О. Каптерева—„Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“ — была предложена Е. Е. Голубинскимъ; ректоръ Академіи, прот. А. В. Горскій съ большою тщательностью провѣрялъ всѣ первоисточники, на основаніи которыхъ производилась работа, и заставлялъ продѣлать вновь эту работу и автора, побуждаемый къ этому, какъ кажется, двумя причинами: съ одной стороны, не все нравилось ему въ диссертациі, въ особенности выводы о лихоимствѣ, злоупотребленіяхъ и прочихъ недостаткахъ, царившихъ въ епархіальномъ управленіи. „И всю-то эту гадость вы взваливаете на св. митрополита Алексія“,—съ сокрушеніемъ говорилъ А. В. Горскій, такъ какъ при св. митрополитѣ Алексіи, какъ происходившемъ изъ знатнаго рода, въ значительной мѣрѣ свѣтскіе чиновники получили силу въ епархіальномъ управленіи и дворъ архіерейскій сталъ походить на дворъ княжескій. Печатаемое здѣсь письмо А. В. Горскаго и разумѣеть эти опасенія его, на которыхъ онъ, однако, не сталъ настаивать въ виду прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ. Е. Е. Голубинскій настаивалъ, наоборотъ, чтобы никакихъ измѣненій и затушевокъ не было.

Съ другой стороны, А. В. Горскій заботился, чтобы въ диссертациі не было голословныхъ или опрометчивыхъ утвержденій, такъ какъ предстоялъ первый публичный диспутъ въ Академіи, ожидалась посторонняя публика, и достоинство Академіи должно было быть соблюденнымъ, тѣмъ болѣе, что оппонентами выступали такія силы, какъ В. О. Ключевскій и Е. Е. Голубинскій. (Объ этомъ см. подробнѣе „У Троицы въ Академіи“, стр. 505—8).

I.

Письмо прот. А. В. Горскаго къ Н. Θ. Каптереву.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій

Николай Ѳеодоровичъ!

Возвращаю Вамъ тетрадку Вашу. Если Вамъ угодно обратить вниманіе на то, что представилось мнѣ при чтеніи Вашей рѣчи.—благоволите прочесть написанное карандашѣмъ. „Новый свѣтъ“ не всегда истинный свѣтъ—по консисторскимъ дѣламъ, гдѣ разсматриваются главнымъ образомъ преступныя дѣянія, приведенныя туманно—такъ и по тѣмъ актамъ, которые дошли до насъ отъ временъ древности. Справки не полны. Потому нужно быть особенно осторожнымъ въ выводахъ и заключеніяхъ изъ этихъ не полныхъ данныхъ.—Между тѣмъ Вы, хотя и оговариваетесь, что касаетесь только дѣлъ, собственно порученныхъ свѣтскимъ чиновникамъ, однакожъ въ самой рѣчи позволяете себѣ дѣлать замѣчанія гораздо далѣе, обо всемъ...

Прошу мнѣ возвратить переданныя мною Вамъ мои замѣтки, писанныя карандашѣмъ по поводу Вашей диссертациі.

Вамъ преданный неизмѣнно

Р. П. А. Горскій.

14 Окт. 1874 г.

II.

Первы магистерскій диспутъ въ Московской духовной академіи ¹⁾.

Новымъ уставомъ академіи измѣнены условія пріобрѣтенія магистерской степени воспитанниками академіи. По прежнему порядку требовалось для означенной цѣли только письменное сочиненіе; по новому уставу требуется печатное, которое кромѣ того должно быть публично защищено.

15 октября, въ актовомъ залѣ Московской духовной академіи, въ присутствіи наставниковъ, студентовъ и мѣстной

¹⁾ Перепечатывается изъ газеты „Современныя Извѣстія“, № 266, пятница 18 октября 1874 года. По всей вѣроятности, статья эта принадлежитъ Н. П. Гилярову-Платонову. *Ред.*

публики, происходилъ первый, со времени введенія новаго устава академій магистерскій диспутъ. Соискателемъ степени явился Н. Θ. Каптеревъ, привать-доцентъ по древней гражданской исторіи. Диссертация, представленная г. Каптеревымъ, заглавляется: *Святскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси*. (Москва 1874 года, 236 стр.).

Когда всѣ собрались въ актовую залъ академіи, прочтено было краткое *curriculum vitae*, изъ котораго оказалось, что диспутантъ первоначально обучался въ Саввинскомъ Звенигородскомъ училищѣ, откуда поступилъ въ Спасо-Виеанскую семинарію, и по окончаніи курса въ оной со степенью 1-го разряда, поступилъ въ Московскую духовную академію. Здѣсь, по преобразованіи академіи по новому уставу, онъ, г. Каптеревъ, избралъ для своихъ специальныхъ занятій историческое отдѣленіе академическихъ наукъ. При окончаніи академическаго курса, г. Каптеревъ утвержденъ былъ въ степени кандидата, и по выдержаніи имъ магистерскаго экзамена, совѣтомъ академіи оставленъ въ качествѣ привать-доцента при академіи *по древней гражданской исторіи*, съ обязательствомъ представить магистерскую диссертацию, которую онъ и представилъ въ совѣтъ академіи въ нынѣшнемъ году.

Затѣмъ диспутантъ произнесъ рѣчь, въ которой выяснилъ значеніе и важность своей диссертации. Онъ говорилъ, что его диссертация имѣетъ предметъ слишкомъ спеціальный, а потому, повидимому, мало интересный и живой. Выборъ такого спеціальнаго предмета диспутантъ объяснялъ настоящимъ состояніемъ русской церковно-исторической науки, которая, по недостатку разработки матеріаловъ, не допускаетъ пока философскаго обобщенія фактовъ церковно-исторической жизни, а требуетъ добросовѣстнаго, спеціальнаго изученія подробностей. Переходя къ вопросу о важности избраннаго предмета, диспутантъ выяснилъ, что предметъ его диссертации, не смотря на свою спеціальность, проливаетъ новый свѣтъ на нѣкоторые важнѣйшіе и общіе вопросы нашей церковной исторіи. Такъ какъ свѣтское архіерейское чиновничество есть чисто русское явленіе, — тогда какъ епархіальное управленіе и церковное устройство вообще должны бы быть, повидимому, образованы въ Россіи по византійскому образцу, — то изслѣдованіе данаго вопроса имѣетъ

результатомъ важныя выводы по отношенію къ вопросу о значеніи Византіи для Россіи и ея вліяніи на русскую церковную жизнь. Такъ какъ свѣтское архіерейское чиновничество, какъ органъ епархіальнаго управленія, явилось слѣдствіемъ подражанія управленію государственному, и такъ какъ съ XVI вѣка чиновники назначались къ архіереямъ по волѣ государя и явились такимъ образомъ органами его контроля надъ архіерейскою властію,—то изученіе выбраннаго вопроса имѣетъ слѣдствіемъ новыя данныя для сужденій объ отношеніи на Руси государства и церкви. Изображеніе тѣхъ притѣсненій, которыя терпѣло низшее духовенство отъ чуждыхъ ему, по своему званію, свѣтскихъ чиновниковъ, проливаетъ новый свѣтъ на его бытъ и даетъ историческое объясненіе его настоящему, все еще нѣсколько пониженному положенію. Въ заключеніе рѣчи, диспутантъ говоритъ о трудностяхъ своей работы, въ слѣдствіе ея совершенной новости (по данному вопросу онъ почти совершенно не имѣлъ предшественниковъ) и въ слѣдствіе разбросанности и мелочности матеріаловъ, такъ какъ о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ въ русскихъ актахъ говорится по большей части только вскользь, мимоходомъ, и притомъ подобныя замѣтки большею частію состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ или даже словъ.

Самая диссертация состоитъ изъ 2 частей. Первая часть посвящена рѣшенію общихъ вопросовъ: а) когда и какимъ образомъ у русскихъ архіереевъ появились въ епархіальномъ управленіи свѣтскіе чиновники, и б) когда и почему они были уничтожены. Во второй части, состоящей изъ двухъ отдѣловъ, въ 1-мъ излагаются свѣдѣнія о самыхъ чиновникахъ по главнымъ родамъ ихъ службы: а) по завѣдыванію различными отраслями епархіальнаго управленія, б) по управленію архіерейскимъ дворомъ, землями и крестьянами, жившими на нихъ, и в) по исполненію извѣстныхъ только придворныхъ должностей, — со времени появленія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ въ древней Руси до учрежденія коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ, или приказовъ; во 2-мъ отдѣлѣ изложены свѣдѣнія о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ со времени учрежденія патриаршихъ приказовъ и таковыхъ же у другихъ епархіальныхъ архіереевъ.

Диспутъ, начавшійся въ 11 часовъ утра, продолжался

около 3 часовъ. Официальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ Е. Е. Голубинскій и доцентъ В. О. Ключевскій. Въ диспутъ принялъ участіе П. С. Казанскій, бывшій ординарный профессоръ академіи оставившій службу по выслугѣ 25 лѣтъ. Ими сдѣлано было до 25 вопросовъ и замѣчаній, большую часть которыхъ диспутантъ устранилъ или объяснилъ.

Г. Голубинскій обратилъ вниманіе на объясненіе авторомъ происхожденія свѣтскаго архіерейскаго чиновничества, указывая, вопреки диспутанту, на существованіе его въ Греціи и предполагая его существованіе еще въ Кіевской Руси,— замѣтилъ, что у автора недостаточно различены понятія о боярахъ, какъ сословіи, и боярахъ, какъ чиновникахъ; что архіереи не всѣ финансовыя дѣла свои поручали свѣтскимъ чиновникамъ, такъ какъ у cadaго архіерея былъ казначей изъ духовныхъ лицъ; что авторомъ не объяснено отсутствіе свѣтскихъ чиновниковъ въ Псковской области,— не объяснено, какъ условія общественной и государственной жизни Руси препятствовали существованію у русскаго митрополита духовныхъ сановниковъ, какіе были у византійскаго патріарха—сдѣлалъ предположеніе, что отмѣна свѣтскаго чиновничества соборомъ 1667 г. совершилась не безъ вліянія присутствовавшихъ на немъ восточныхъ іерарховъ, вопреки автору, приписывавшему русскимъ епископамъ инициативу его отмѣны; замѣтилъ, что существуютъ извѣстія, такъ сказать, о духовныхъ свѣтскихъ чиновникахъ, какъ бояринъ чернецъ, и наконецъ, что авторъ преувеличиваетъ дѣло, выражаясь, что около русскаго архіерея мало было духовныхъ лицъ, такъ какъ при немъ были такъ называемый клиросъ и соборъ.

Послѣ г. Голубинскаго возражалъ г. Ключевскій. Вопреки диспутанту, говорившему въ заключеніе своей рѣчи передъ диспутомъ, что въ диссертациі его очень возможны ошибки и что „опытные мастера науки“ ихъ конечно въ ней найдутъ, г. Ключевскій замѣтилъ, что въ диссертациі г. Каптерева меньше ошибокъ, чѣмъ сколько бы ихъ можно предполагать при разработкѣ темы, подобной той, какую разработываетъ она. Да и тѣ ошибки, которыя въ ней встрѣчаются, касаются не главнаго ея предмета, а побочныхъ. На этомъ основаніи г. Ключевскій и началъ свои замѣчанія о тѣхъ извѣстіяхъ преимущественно по гражданской русской

исторіи, которыхъ диссертация касается. Предѣлы газетной статьи не позволяютъ подробно изложить возраженій и замѣчаній г. Ключевского. Всѣхъ ихъ сдѣлано было до 15 и они касались разныхъ частей диссертации г. Каптерева. Онъ указывалъ на невѣрныя, по его мнѣнію, свѣдѣнія, помѣщенныя въ диссертации о княжескихъ и архіерейскихъ боярахъ, о дьякахъ, дѣтяхъ боярскихъ, говорилъ объ устройствѣ двороваго хозяйства у московскихъ патріарховъ, о различіи должностей посельскаго и прикащика, о различіи патріаршаго разряда и суднаго приказа и др. Затронувъ вопросъ о происхожденіи свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, г. Ключевскій предложилъ г. Каптереву разъяснить это дѣло въ печати и въ заключеніе сдѣлалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній объ его диссертации.

Послѣ официальныхъ оппонентовъ возражалъ П. С. Казанскій. Онъ указалъ на то, что магистрантъ слишкомъ широко понимаетъ права и полномочія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ въ сферѣ епархіальнаго управленія, придаетъ имъ столь широкое значеніе во всѣхъ епархіальныхъ дѣлахъ, какового они въ дѣйствительности не имѣли; и если они явились такими въ изслѣдованіи автора, то это потому, что онъ, увлекшись одною стороною дѣла, не обратилъ вниманія на другую, именно на ту сторону епархіальнаго управленія, которою завѣдывалъ или самъ архіерей непосредственно или назначенныя имъ духовныя лица.

Послѣ диспута о. ректоромъ Академіи прочитана была выдержка изъ отзыва профессора исторіи русской церкви г. Голубинскаго о диссертации г. Каптерева, въ которомъ она названа „трудомъ добросовѣстнымъ и заслуживающимъ большаго одобренія“. Г. Каптеревъ провозглашенъ былъ магистромъ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ публики и студентовъ. Диспутъ на всѣхъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе.

Въ заключеніе вотъ тезисы диссертации.

1. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники, съ тѣми обширными правами и полномочіями, какія даны были имъ въ древней Руси, составляютъ особенность только русской церковной жизни, и потому ихъ существованіе не можетъ быть объяснено никакими посторонними внѣшними вліятіями.

2. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники древней Руси появи-

лись очень не скоро послѣ введенія у насъ христіанства. Въ первый разъ они встрѣчаются у Новгородскаго архіепископа, въ началѣ XIII вѣка; въ митрополиі же они начинаютъ появляться только тогда, когда митрополичья кафедра изъ Кіева была перенесена въ Москву и когда митрополиты стали избираться изъ русскихъ людей.

3. До половины XVI вѣка свѣтскіе архіерейскіе чиновники существовали только фактически въ силу утвердительнаго обычая, не будучи признаны такимъ церковно-законодательнымъ актомъ, который бы имѣлъ для всѣхъ обязательную силу,—каковы соборныя постановленія.

4. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники древней Руси были трехъ родовъ: одни изъ нихъ завѣдывали различными отраслями епархіальнаго управленія; другіе—управленіемъ архіерейскаго двора, земель и крестьянъ, жившихъ на нихъ; третьи—не принимали участія ни въ епархіальномъ управленіи, ни въ управленіи архіерейскими землями и крестьянами, а занимали исключительно придворныя должности.

5. Архіерейскіе бояре первоначально принадлежали къ классу тѣхъ (свободныхъ служилыхъ людей, которые въ удѣльный періодъ переходили съ одного мѣста на другое и служили тамъ, гдѣ находили это болѣе выгоднымъ; послѣ стоглаваго собора они назначались къ архіереямъ царемъ и избирались всегда уже изъ царскихъ чиновниковъ.

6. Какъ слѣдствіе вліянія государственной жизни на церковную, было учрежденіе такъ называемыхъ патріаршихъ приказовъ, которые находились въ вѣдѣніи свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ.

7. Патріаршіе приказы учреждены были патріархомъ Филаретомъ, но не ранѣе.

8. Патріаршихъ приказовъ было пять: Разрядъ, Духовный, Казенный, Церковныхъ дѣлъ и Дворцовый.

9. Одни изъ патріаршихъ приказовъ завѣдывали епархіальнымъ патріаршимъ управленіемъ, другіе—управленіемъ патріаршихъ земель и крестьянъ, жившихъ на нихъ.

10. Приказы существовали не только въ патріархіи, но и у другихъ епархіальныхъ архіереевъ, которые въ этомъ случаѣ слѣдовали примѣру патріарха; приказы епархіальныхъ архіереевъ были организованы по образцу патріаршихъ, и потому во всемъ были сходны съ ними.

II. Учрежденіе приказовъ не имѣло никакого существеннаго вліянія на положеніе и значеніе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ въ дѣлахъ епархіальнаго управленія.

III.

Рѣчь предъ диспутомъ Н. В. Каптерева.

Предметъ избранный мною для диссертациі довольно спеціаленъ и на первый взглядъ кажется очень не важнымъ и незначительнымъ. Я касаюсь въ своемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, только органовъ архіерейскаго епархіальнаго управленія въ древней Руси и органовъ управленія землями и крестьянами, принадлежавшими архіерейскимъ каеэдрамъ. При этомъ архіерейскаго епархіальнаго управленія я касаюсь съ тѣхъ только его сторонъ, которыя находились въ рукахъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, о всѣхъ же дѣлахъ по епархіальному управленію, которыя велись или самимъ архіереемъ непосредственно, или, по его порученію, духовными лицами, я вовсе умалчиваю. Эта специальность и такъ сказать ограниченность предмета моего изслѣдованія производятъ на нѣкоторыхъ невыгодное для самаго изслѣдованія впечатлѣніе. Мнѣ самому не разъ лично приходилось слышать такія сужденія о моей диссертациі, что предметъ ея слишкомъ-де спеціаленъ, узокъ и не имѣетъ никакого общаго интереса, что гораздо лучше было бы избрать предметомъ изслѣдованія вопросъ болѣе широкій, общій и какъ говорится болѣе интересный и живой.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько законны или незаконны подобныя требованія, насколько они приложимы къ ученому изслѣдованію, имѣющему въ виду исключительно только научную цѣль, я тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ защиту избраннаго мною предмета. Правда, что вопросъ о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ есть вопросъ довольно частный и специальный, но это еще нисколько не даетъ права отрицать его важность и значеніе въ кругу другихъ научныхъ вопросовъ по русской церковной исторіи. Болѣе общими научно-философскими вопросами и построениями всякая наука можетъ и должна заниматься только тогда, когда всѣ частные вопросы будутъ

въ ней болѣе или менѣе разработаны, когда изслѣдователь, дѣлая общія построения, будетъ стоять на твердой почвѣ результатовъ, добытыхъ разработкою частныхъ, такъ какъ всякое общее построение безъ предварительнаго тщательнаго изученія частныхъ не будетъ имѣть никакого серьезнаго научнаго значенія. Наука и особенно исторія только то считаетъ для себя вѣрнымъ и истиннымъ приобрѣтениемъ, что добыто путемъ добросовѣстнаго изученія частныхъ, что допускаетъ провѣрку общаго чрезъ разложеніе на составныя его части, отъ вѣрности и истинности которыхъ зависитъ вѣрность и истинность общаго. Но можемъ-ли мы сказать о наукѣ русской церковной исторіи, чтобы она стояла у насъ на такой высотѣ, которая дѣлала бы уже излишнюю разработку частныхъ специальныхъ вопросовъ, которая давала бы изслѣдователю возможность заняться исключительно общими историческими вопросами и построениями? Къ сожалѣнію, сказать даже что нибудь подобное о наукѣ нашей церковной исторіи, рѣшительно невозможно, она доселѣ представляетъ изъ себя почти одинъ сырой матеріалъ, да и тотъ далеко не весь приведенъ въ извѣстность, много его еще хранится въ мало доступныхъ рукописяхъ и полныхъ архивахъ, такъ что мы доселѣ не можемъ съ полною увѣренностію сказать: сколько, и какіе матеріалы мы имѣемъ или можемъ имѣть для научной всесторонней разработки исторіи нашей церкви. Правда, мы имѣемъ нѣсколько полныхъ курсовъ нашей церковной исторіи, но они во многомъ не удовлетворяютъ строго-научнымъ требованіямъ, такъ какъ все дѣло въ нихъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается простою, часто совершенно не критическою передачею сырого историческаго матеріала, не говоря уже о томъ, что многіе отдѣлы, обозначенные въ нихъ по требованію системы, остаются или совершенно неразработанными, или наполнены такими разсказами, о которыхъ невольно являются извѣстные вопросы: къ чему, зачѣмъ, для чего; такъ что новая провѣрка и переработка даже многого изъ того, что уже написано, по нашему мнѣнію, рѣшительно необходима. Приведемъ примѣръ: наша церковная исторія начинается собственно съ разсказа о крещеніи св. Владиміра. Большая часть историковъ, до самаго позднѣйшаго времени, обыкновенно передаютъ объ этомъ разсказъ, помѣщенный въ лѣтописи, извѣстной подъ именемъ

Несторовой, не относясь къ нему критически, хотя этотъ разсказъ въ большей своей части имѣетъ несомнѣнно легендарный характеръ; и другія сказанія, никакъ не менѣе, если не болѣе достовѣрныя, чѣмъ сказаніе лѣтописи, говорятъ объ этомъ событіи совершенно иначе, а между тѣмъ эти свидѣтельства игнорируются большинствомъ нашихъ церковныхъ историковъ. Вслѣдствіе указаннаго отношенія нашихъ историковъ къ данному событію въ результатъ оказывается, что вопросъ о причинахъ, побудившихъ Владиміра креститься, о времени, мѣстѣ и обстоятельствахъ самаго крещенія, еще и доселѣ остается научно нерѣшеннымъ; даже болѣе, самый фактъ крещенія св. Владиміра именно греками можетъ быть оспариваемъ, такъ какъ лѣтопись, называемая Іоакимовой, говоритъ, что Владиміръ крещенъ не греками, а болгарами и если это извѣстіе Іоакимовой лѣтописи нельзя принять за достовѣрное, то всетаки на обязанности историка остается объяснить, какимъ образомъ могло составить подобное извѣстіе и какимъ образомъ оно, несмотря на свою кажущуюся невѣроятность и противорѣчіе съ другими извѣстіями, вошло однако въ лѣтопись,—а между тѣмъ историки объ этомъ сказаніи Іоакимовой лѣтописи обычно умалчиваютъ. Точно въ такомъ же положеніи, какъ и вопросъ о крещеніи св. Владиміра, находится и множество другихъ вопросовъ по нашей церковной исторіи, такъ что и то, что доселѣ было сдѣлано въ ея области, во многомъ не удовлетворяетъ истинно-научнымъ требованіямъ, оставляетъ еще многого желать, и потому новый, болѣе строгій критическій пересмотръ написаннаго по русской церковной исторіи, рѣшительно необходимъ. Такимъ образомъ объ исторіи нашей церкви нельзя сказать того, чтобы она была строго научно и вполне всесторонне разработана, напротивъ въ большинствѣ случаевъ она представляетъ почти совершенно сырой матеріалъ, да и тотъ доселѣ далеко не весь приведенъ въ извѣстность, вслѣдствіе чего цѣлыя стороны въ нашей религіозно-исторической жизни еще доселѣ остаются совершенно скрытыми отъ науки, множество вопросовъ еще и теперь не затронуто, множество явленій самыхъ видныхъ и крупныхъ, даютъ мѣсто спорамъ, разногласіямъ и самымъ разнообразнымъ толкованіямъ, что опять указываетъ на высокое положеніе самой науки.

Практическій выводъ, который самъ собою вытекаетъ изъ всего сказаннаго нами о современномъ положеніи науки русской церковной исторіи, заключается очевидно въ слѣдующемъ: отъ занимающагося русскою церковною исторіею самое положеніе этой науки требуетъ не рѣшенія общихъ историческихъ вопросовъ, не философскаго обобщенія фактовъ, но простой, добросовѣстной научной разработки историческаго матеріала, разработки и уясненія тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, которые еще доселѣ остаются нетронутыми, самое существованіе которыхъ еще не всегда и не всѣми подозрѣвается. И странно было бы изслѣдователю пускаться въ какія либо общія широкія научныя построенія тамъ, гдѣ частности во многомъ остаются неизвѣстными, гдѣ для общихъ широкихъ обобщеній и выводовъ нѣтъ еще твердыхъ, несомнѣнныхъ данныхъ;—это бы значило усиливать построить прочное зданіе на воздухъ или, по крайней мѣрѣ, на песокъ. Только тогда историку русской церкви можно будетъ строить цѣлое, прочное зданіе науки, когда будутъ готовы всѣ необходимые для этого зданія матеріалы, которыхъ такъ еще недостаточно въ настоящее время, и разработка которыхъ поэтому лежитъ на нашей обязанности.

Предложенное мною изслѣдованіе о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ древней Руси удовлетворяетъ именно этому требованію современнаго намъ положенія науки русской церковной исторіи. Выясняя новый, доселѣ совершенно неизслѣдованный вопросъ, оно необходимо бросаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны нашей древне-церковной жизни и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ болѣе правильному и всестороннему ея пониманію. Что вопросъ о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ древней Руси, не смотря на его частность и специальность, имѣетъ несомнѣнно важное значеніе для правильнаго пониманія нашей церковно-исторической жизни въ этомъ не трудно убѣдиться, если обратить вниманіе на тѣ выводы, которые сами собою являются послѣ разсмотрѣнія этого вопроса, на тѣ стороны нашей церковной исторической жизни, которыя выясняетъ для науки этотъ вопросъ.

Греція, просвѣтивъ Россію христіанствомъ, въ то же время, вмѣстѣ съ христіанствомъ, передала ей свои учрежденія и законы; она сдѣлалась образцомъ, который Русь постоянно

имѣла въ виду при устройствѣ своей религіозно-церковной жизни, такъ что послѣдняя, повидимому, должна была явиться только воспроизведеніемъ греческой церковной жизни. Дѣйствительное же положеніе дѣла было однако далеко не такое, какимъ оно представляется съ перваго взгляда, и какимъ оно, повидимому, должно бы быть. Представленное изслѣдованіе строя епархіальнаго управленія въ древней Руси показываетъ, что Русь вовсе не такъ безусловно подчинялась Греціи въ своей церковной жизни, какъ это кажется съ перваго взгляда; напротивъ тамъ, гдѣ не предвидѣлось, по крайней мѣрѣ прямаго нарушенія канонѡвъ, она и въ церковной жизни не считала себя обязаною слѣдовать во всемъ примѣру Греціи. Въ области епархіальнаго архіерейскаго управленія она выработала свои собственныя учрежденія, совершенно отличныя отъ епархіальныхъ учрежденій Греціи, которая всегда смотрѣла у себя на допущеніе мірскихъ людей къ участию епархіальныхъ управленій, какъ на явленія антиканоническія и противоцерковныя. Очевидно, что русская церковь признавала за собою право устроить свою, по крайней мѣрѣ епархіальную, жизнь такъ, какъ того требовали мѣстныя особенности и различныя обстоятельства собственно русской жизни, причемъ мало обращалось вниманія на то, какъ устроенные ею порядки въ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи относятся къ подобнымъ же порядкамъ Греческой церкви, расходятся съ ними или нѣтъ. Если русская церковь дѣйствовала такъ въ сферѣ епархіальнаго архіерейскаго управленія, для котораго однако существуютъ извѣстные церковныя каноны и постановленія, то, конечно, она могла поступать такимъ же образомъ и въ другихъ областяхъ нашей церковной жизни, особенно въ тѣхъ, которыя не имѣли прямого отношенія къ догматикѣ и опредѣленнымъ канонамъ церкви, такъ что изслѣдованіе нашей древней церковной жизни съ этой именно стороны становится рѣшительно необходимымъ и должно замѣнить собою общія, собственно ничего не говорящія фразы о томъ, что мы приняли отъ грековъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, различныя церковныя учрежденія и всѣ законы, и по нимъ устроили всю свою церковную жизнь.

Въ существующихъ курсахъ русской церковной исторіи

болѣе или менѣе обстоятельно раскрыты и выяснены тѣ стороны, съ которыхъ церковь вліяла на государство и общество, подробно указаны всѣ тѣ случаи, когда и въ какихъ обстоятельствахъ наши іерархи помогли правильному развитію и теченію государственной жизни, такъ что изъ всѣхъ этихъ разсказовъ составляется такое представленіе, что нашимъ іерархамъ, по отношенію къ представителямъ свѣтской власти, принадлежала роль духовныхъ руководителей, и что сами они въ своей духовной области были совершенно независимы, такъ что если иногда свѣтская власть и вмѣшивалась въ эту область, то это было явленіемъ исключительнымъ, признаваемымъ всѣми за злоупотребленіе. Такъ обыкновенно представляется дѣло, но не такъ оно было въ дѣйствительности. Церковь, вліяя въ лицѣ своихъ представителей на государство и всю его жизнь, въ то же время и сама во многомъ подчинилась государству, многое заимствовала въ своей жизни отъ него въ силу только той тѣсной органической связи, какая существуетъ между всею церковною и государственною жизнью. Но помимо этого, такъ сказать несознательнаго для церкви ея подчиненія государству, происходившаго отъ незамѣтнаго, но тѣмъ не менѣе необходимаго давленія всей окружающей государственной жизни на церковную, въ чемъ церковь впрочемъ не видѣла для себя ничего стѣняющаго или ограничивающаго свободу теченія ея жизни; былъ и другой родъ подчиненія церкви государству, когда церковь волей или неволей вынуждена была уступить государству право контролировать церковную жизнь, особенно съ тѣхъ ея сторонъ, которыми она соприкасалась съ жизнью государства. Московское государство настолько ревниво относилось къ своимъ самодержавнымъ правамъ, что не хотѣло оставить даже епархіальную жизнь внѣ своего непосредственнаго вліянія, внѣ прямой постоянной зависимости отъ нея. Она присвоила себѣ право (съ половины XVI вѣка) назначать къ архіереямъ ихъ чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находилось какъ епархіальное архіерейское управленіе, такъ и управленіе землями и крестьянами, принадлежавшими архіерейскимъ кааедамъ, въ то же время государство фактически всегда удерживало за собою право и увольнять по своему усмотрѣнію архіерейскихъ чиновниковъ отъ занимаемой ими должности. Вслѣдствіе такого

положенія архіерей московскаго періода съ половины XVI вѣка не былъ свободенъ и самостоятеленъ даже въ управленіи своею епархією, надъ всѣми его дѣйствіями всегда существовалъ, хотя и не гласный, но тѣмъ не менѣе очень существенный контроль со стороны приставленныхъ къ архіерею царскихъ чиновниковъ, такъ что архіерей безъ одобренія высшей правительственной власти не могъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага даже въ той области, гдѣ онъ всегда считался и долженъ былъ самостоятельнымъ владыкою. Такимъ образомъ представленное мною изслѣдованіе бросаетъ довольно яркій свѣтъ на тѣ отношенія, какія существовали въ московской Руси между церковію и государствомъ, и въ то же время показываетъ, что эти отношенія были такого рода, что ставили всю церковную жизнь въ полную зависимость отъ государственной, что церковь въ московской Руси далеко не пользовалась той свободой, какая должна бы по праву принадлежать ей.

Наши свѣдѣнія объ архіерейскомъ епархіальномъ управленіи въ древней Руси до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ очень недостаточны. Мы знали, чѣмъ долженъ былъ архіерей для управляемой имъ епархіи по требованію церковныхъ каноновъ, но мало знали, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; мы знали, какъ онъ долженъ управлять своею епархією, но мало знали какъ онъ управлялъ ею на самомъ дѣлѣ. Представленное мною изслѣдованіе о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ значительно восполняетъ этотъ крупный и важный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ архіерейскомъ управленіи въ древней Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на такія стороны въ характерѣ и всемъ строѣ епархіальнаго архіерейскаго управленія древней Руси, которыя до сихъ поръ были мало извѣстны и совершенно неизслѣдованы. Оно выясняетъ намъ тѣ своеобразныя отношенія, которыя съ теченіемъ времени установились между архіереемъ и подвѣдомственнымъ ему епархіальнымъ духовенствомъ и слѣдствіемъ которыхъ было существованіе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ. Именно, оно показываетъ намъ, что обстановка жизни нашихъ древнихъ іерарховъ во многомъ носила свѣтскій, мірской характеръ, такъ что съ нѣкоторыхъ сторонъ значительно напоминала собою обстановку владѣтельныхъ князей того времени. Дворъ архіе-

рея былъ наполненъ разнообразною толпою свѣтскихъ служилыхъ людей: у него были свои собственные бояре, дьяки, тѣны, дворецкіе, волостели и пр., которые не были только простыми, придворными слугами архіерея, но вмѣстѣ и епархіальными чиновниками, такъ какъ чрезъ нихъ совершалось все архіерейское епархіальное управленіе, не говоря уже объ управленіи архіерейскими землями и крестьянами. Архіерей, управляя духовенствомъ чрезъ своихъ придворныхъ служилыхъ людей, тѣмъ самымъ становился къ духовенству въ владѣльческія отношенія, онъ видѣлъ въ духовенствѣ, кромѣ пастырей церкви, еще своихъ тяглыхъ людей, во всемъ отъ него зависящихъ, обязанныхъ ему взносомъ извѣстныхъ податей, и потому въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству онъ иногда руководствовался не архипастырскими только соображеніями, но и просто финансовыми. Понятно, что при такихъ епархіальныхъ порядкахъ положеніе духовенства въ древней Руси было не особенно завидное: оно приравняется не рѣдко, въ самыхъ официальныхъ документахъ, къ тяглому податному сословію, оно во всемъ и всегда безусловно зависѣло отъ архіерея и его свѣтскихъ чиновниковъ; его высшая епархіальная власть почти совершенно не заботилась, за небольшими исключеніями, о поднятіи его умственного и нравственного развитія, объ обезпеченіи за нимъ болѣе лучшаго и болѣе соответствующаго его высокому служенію положенія въ обществѣ, но за то она очень тщательно заботилась о полномъ, „безъ недобору“ полученіи съ духовенства различныхъ пошлинъ, шедшихъ съ него въ архіерейскую казну, такъ что недостатокъ нравственнаго самосознанія и самоуваженія, нѣкоторая приниженность и забитость низшаго духовенства, замѣчаемая въ немъ и нынѣ, есть естественное и необходимое послѣдствіе условій вѣковой исторической жизни нашего духовенства, и потому всегда необходимо имѣть въ виду эту вѣковую прошлую жизнь духовенства, чтобы и нынѣ правильно судить о немъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ древней Руси имѣетъ несомнѣнную важность и значеніе для правильнаго пониманія нашей церковно-исторической жизни, есть вопросъ, по моему мнѣнію интересный и живой, бросающій много свѣта на такія стороны нашей

древне-церковной жизни, которыя, безъ изслѣдованія этого вопроса, остались бы въ тѣни и не получили бы въ наукѣ того значенія, какое по праву принадлежитъ имъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мнѣ пришлось заниматься изслѣдованіемъ предмета моей диссертациі, такъ какъ эти условія были не совсѣмъ для меня благоприятны, что конечно невыгодно должно было отразиться и на самомъ моемъ изслѣдованіи. Въ своихъ работахъ и изысканіяхъ по данному вопросу я не имѣлъ собственно предшественниковъ, которые бы такъ или иначе освѣтили уже предметъ моего изслѣдованія, указали бы тотъ путь, по которому мнѣ слѣдовало бы идти, чтобы вѣрнѣе и лучше достигнуть цѣли;—однимъ словомъ мнѣ пришлось идти въ своихъ изслѣдованіяхъ „не по проторенной дорожкѣ“, а по новому, неизвѣстному для меня пути. Правда, давнаго вопроса отчасти касались въ журнальныхъ статьяхъ г. Лохвицкій и отвѣчавшіи ему Бѣляевъ, но изъ ихъ статей рѣшительно было невозможно получить хотя бы кое-какое общее представленіе о свѣтскомъ архіерейскомъ чиновничествѣ въ древней Руси, такъ какъ они касались этого вопроса только мимоходомъ и въ высшей степени обще и поверхностно. Такимъ образомъ, въ своихъ изысканіяхъ я былъ предоставленъ рѣшительно самому себѣ. Мнѣ самому пришлось опредѣлять и отыскивать источники, самому собирать совершенно неизвѣстный матеріалъ, разбросанный къ тому же по мелочамъ по самымъ разнообразнымъ источникамъ, что требовало очень много труда, времени и терпѣнія, тѣмъ болѣе, что самый матеріалъ весь состоитъ изъ отдѣльныхъ, очень мелочныхъ свидѣтельствъ въ нѣсколько строкъ и часто словъ и потому самому конечно очень трудно поддается систематизациі и обобщенію. Но всѣ эти затрудненія были чисто внѣшнія и вполне преодолимы; нельзя того же сказать о затрудненіяхъ другаго рода, которыя заключались отчасти въ самомъ избранномъ мною предметѣ, отчасти во мнѣ самомъ. Дѣло въ томъ, что собранный мною наличный матеріалъ по вопросу о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ въ древней Руси далеко не удовлетворяетъ самымъ невзыскательнымъ требованіямъ въ томъ смыслѣ, что часто совершенно не отвѣчаетъ на такіе, хотя и частные вопросы.

безъ рѣшенія которыхъ, однако, невозможно и рѣшеніе вопроса главнаго. Такіе, напримѣръ, существенные для цѣлаго моего изслѣдованія вопросы: когда появились свѣтскіе архіерейскіе чиновники, гдѣ, вслѣдствіе какихъ причинъ и пр. остаются со стороны источниковъ безъ отвѣта; или случается иногда и такъ, что за цѣлое столѣтіе по какому нибудь вопросу совершенно не находишь ни одного свидѣтельства. По необходимости пришлось прибѣгать, при такихъ обстоятельствахъ, къ различнымъ побочнымъ соображеніямъ, предположеніямъ, аналогіямъ,—путь, какъ извѣстно, очень скользкій, вводящій и болѣе меня опытныхъ изслѣдователей въ серьезныя ошибки и заблужденія. Тѣмъ болѣе, конечно, возможны были ошибки и промахи съ моей стороны особенно тамъ, гдѣ я не имѣлъ подъ собою твердой фактической почвы, гдѣ я не могъ опереться въ своихъ сужденіяхъ на положительныя историческія данныя, гдѣ мнѣ приходилось основываться на побочныхъ соображеніяхъ и выводахъ. Чтобы совсѣмъ избѣжать въ такихъ обстоятельствахъ болѣе или менѣе важныхъ ошибокъ, для этого требуется, съ одной стороны, значительная ученая опытность, приобретаемая долговременными учеными занятіями, съ другой стороны—спеціальное, всестороннее изученіе той науки, изъ которой берется изслѣдуемый вопросъ, — условія которыхъ я не имѣлъ при своихъ работахъ. Очень естественно поэтому, что въ моемъ изслѣдованіи могутъ быть найдены болѣе или менѣе серьезные недостатки: трудно человѣку, въ первый разъ взявшемуся за новую, непривычную для него работу, явиться въ ней сразу искуснымъ и опытнымъ мастеромъ; а опытные, присяжные мастера науки, конечно, всегда найдутъ недостатки въ первой работѣ своего ученика.

Сообщилъ П. К.
